

Ивлева К.С. Ивлева Е.С.

Научно-исследовательская работа:

Иван Сергеевич Аксаков

«В чем сила России?»

(к 450-летию основания города Уфы)



УФА 2024

УФИМСКИЙ ФИЛИАЛ
ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Направление подготовки:

40.02.01 "Право и организация социального обеспечения"

ИВЛЕВА КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА
ИВЛЕВА ЕСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА

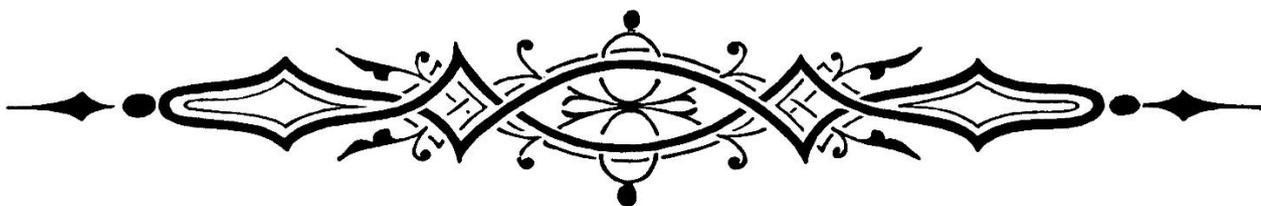
Научно-исследовательская работа
на соискание Премии Совета городского округа г. Уфа
Республики Башкортостан имени С.Т. Аксакову на тему:

Иван Сергеевич Аксаков
«В чем сила России?»

Научный руководитель:
Мельников А.А., преподаватель Уфимского
филиала Финансового университета
при Правительстве РФ
Мельников И.И., преподаватель Уфимского
филиала Финансового университета
при Правительстве РФ

Содержание:

I.	Введение.....	3
II.	Основная часть.....	4
Глава 1.	Иван Сергеевич Аксаков.....	9
Глава 2.	Славянофильство.....	11
Глава 3.	Смертная казнь в России.....	15
Глава 4.	Отношение общества к государству.....	16
Глава 5.	О нравственном состоянии нашего общества и что требуется для его оздоровления.....	19
Глава 6.	Русская колонизация.....	22
Глава 7.	О судебной реформе.....	24
Глава 8.	Свободы: слова, совести, цензура.....	28
Глава 9.	Русское самодержавие - не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм.....	33
Глава 10.	Литература должна подлежать закону, а не административному произволу.....	38
Глава 11.	Журналистика - выражение общественного мнения, а не какая-нибудь законодательная власть.....	41
Глава 12.	Что значит выйти нашему правительству на исторический народный путь?.....	44
III.	Заключение.....	49
IV.	Список литературы.....	51



Введение

В 1859 году общественный деятель, публицист, поэт, литературный критик, один из первых славянофилов Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886) провозгласил: "Наше знамя - русская народность как символ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развития".

Эта мысль стала одной из вершин русского национального мировоззрения. Аксаков стоял на твердых православно-монархических позициях, отстаивая нерушимость русских национальных основ, традиций и идеалов. Мыслитель выступал за общинно-артельное "народное производство" против насаждения западных экономических форм. Он считал, что основой духовного возрождения всего человечества может стать союз славянских народов под руководством русского народа. Деятельность каждого честного гражданина Аксаков ценил не в "блеске дел" больших и не каждому доступных, а в повседневном, скромном труде, требующем не красивого, но мимолетного подъема, а вечного стремления души к правде. В годы своей наивысшей социальной активности И. С. Аксаков сделался выразителем славянских симпатий русского общества. Его кандидатура даже предлагалась некоторыми болгарскими избирательными комитетами на болгарский престол.

Эта богато иллюстрированное издание дает возможность современному читателю ближе познакомиться с философско-публицистическим наследием этого выдающегося отечественного мыслителя, его журнальной и газетной полемикой в защиту основ народной жизни, по проблемам земского самоуправления, по крестьянскому вопросу, свободе слова, народному образованию и многим другим проблемам жизни России второй половины XIX века, многие из которых актуальны и поныне. Ее мы с вами и разберем.

Основная часть

«Вне народной почвы нет основы, вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая, всякое учреждение, не связавшееся корнями с исторической почвой народной, или не выросшее из нее органически, не дает плода и обращается в ветошь.»

Иван Сергеевич Аксаков

Аксаков не покривит душой, не утаит ничего, что у него на сердце, и будет говорить с искренностью верующего на исповеди. Тем легче и интереснее ознакомиться с его учением. Выросшее на почве любви и ненависти, оно старалось, однако, опереться на исторические данные и явиться в свет в наукообразной форме.

К. Аксаков привлекал историю на свою сторону, постоянно доказывая следующие основные свои положения.

Народ не нуждается ни в каких указаниях, в особенности со стороны наших, нахватавшихся верхов европейской цивилизации «культурных» людей.

У народа есть свое стройное и устойчивое мирозерцание, не только вполне пригодное для ежедневной, серой крестьянской жизни, но способное выдержать натиск мирозерцания людей, бесконечно превосходящих мужика образованием и социальным положением.

В частности, у народа есть своя самобытная нравственность и своя, если и не самобытная, то все-таки окрашенная самостоятельным пониманием религиозность, на совокупности которых и строятся социальные отношения крестьянской общины.

Народная нравственность основана на чувстве справедливости. Это чувство народ никогда не понимает в формальном математическом смысле. Вот почему, строго блюдя интересы всей общины, он все-таки смотрит за тем, чтобы не только

интересы меньшинства, но даже интересы отдельных личностей не страдали бы от соблюдения мирских выгод.

Религиозность народа, как и нравственность его, не внешняя и не показная. Она есть удовлетворение внутреннего призыва к добру.

Источник нравственности и религиозности народа кроется в исповедуемой им православной вере. Когда староста Антон, пункт за пунктом, разрушил всю «сивилизационную» программу своего барина, между «сбитым совершенно с толку» Луповицким и его собеседником произошел такой разговор!

«Луп. Антон, ты где учился? Стар. Нигде, батюшка. Луп. Грамоте умеешь? Стар.

Умею, батюшка. Луп. Что ты читал? Стар. Церковные книги, батюшка».

Совокупность всего вышесказанного создала глубоко своеобразный правовой, экономический и нравственный институт - крестьянский «мир», который есть хранитель истинно народных традиций и панацея против тех зол, которые при ином строе повели бы к целому ряду социальных и индивидуальных несправедливостей.



В сущности говоря, все эти семь членов аксаковского символа веры являются и косвенным укором западноевропейской жизни. Нечего даже и говорить, чем больше всего дорожит Константин Аксаков. Он, очевидно, дорожит живой нравственной связью между людьми, которая поддерживается общинными укладами. При них нет формальной справедливости, защищающей лишь интересы большинства, при них есть полная свобода для проявления

внутренних позывов к добру, есть место для непрестанно действующей религиозности.

Основной вклад К. Аксакова в славянофильское учение—это его общественнополитическая теория и система эстетических взглядов. Свои политические воззрения он уже достаточно определенно формулирует в статье “Голос из Москвы” (1848), написанной под впечатлением потрясших Западную Европу революционных событий. Через всю статью Аксакова проходит противопоставление “безобразной бури Европейского Запада” “красоте тишины Европейского Востока”. Безоговорочно осуждая революцию и доказывая ее “совершенную чуждость России”, славянофил усматривает в европейских “бурях” следствие сложившейся на Западе традиции “обоготворения правительства”, концентрации общественных интересов и внимания преимущественно в области политики и власти. Православная же Россия, доказывал К. Аксаков, никогда не обоготворяла правительство, “никогда не верила в его совершенства и совершенства от него не требовала” и даже “смотрела на него, как на дело второстепенное”. Политические и государственные отношения, по Аксакову, имеют для русского народа вообще. “второстепенное” значение, так как в силу

исторической традиции и особенностей национального характера подлинные интересы народа лежат всецело в сфере духовнорелигиозной.

Безапелляционно отвергая любые формы преобразований западного типа в России в прошлом, настоящем и будущем, К. Аксаков в то же время был активным сторонником отмены крепостного права, разделял надежды славянофилов на возможность социальнополитических реформ в стране, стремясь вывести необходимость последних из общих постулатов своей социологической теории. Так, из концепции “негосударственности” он вывел идею неотъемлемых, суверенных народных прав (свободы слова, мнения, печати), которые им были объявлены неполитическими и соответственно не подлежащими юрисдикции государства: “Государству—неограниченное право действия и закона, земле — полное право мнения и слова».

Внешний очерк жизни Константина Сергеевича очень несложен. Родился он 29 марта 1817 года в селе Аксакове Бугурусланского уезда Оренбургской губернии. В Аксакове-Багрове - тоже достаточно известном всем читателям «Семейной хроники», хотя бы только отрывков из нее в хрестоматиях - К. С. прожил до 9 лет, находясь в постоянном общении с багровскими крестьянами, которые, благодаря благодатным климатическим условиям богатого в то время и неразграбленного еще Оренбургского края, во всех отношениях стояли выше забитого крестьянства средней полосы России. «И так как Константин Сергеевич отличался необыкновенно ранним умственным развитием, то нет сомнения в том, что именно идиллические условия, среди которых прошло детство будущего восторженного проповедника необходимости единения интеллигенции с народом, и обусловили в значительной степени оптимистический взгляд его на возможность этого единения. По крайней мере, сам он неоднократно ссылается впоследствии на живые впечатления, вынесенные им из личного общения с народом». Это общение продолжалось, однако, очень недолго, так как Аксаковы в 1826 году переселились в Москву, где Константин Сергеевич и прожил почти всю свою недолгую жизнь.



До 15 лет его воспитанием руководил отец, Сергей Тимофеевич, прививая сыну свое восторженное отношение к русским началам вообще, русской литературе в частности; пятнадцати же лет Константин Сергеевич поступил студентом в Московский университет на словесное отделение. Он был, значит, сверстником и сотоварищем Белинского, Станкевича, Герцена. Он примкнул к кружку Станкевича и долгое время находился под обаянием этой светлой, исключительной личности. В сущности, до самой своей смерти он оставался «большим ребенком», случайно прикомандированным к общественной жизни, которой он не понимал и понять не мог, потому что он понимал и мог понимать лишь одну «детскую».

Окончив университет, Константин Аксаков в 1838 году поехал за границу, но эта поездка по своей кратковременности прошла для него почти бесследно.

Сохранился только рассказ о том, что во время пребывания в Берлине Константин Аксаков в первый и последний раз в жизни попытался сблизиться с женщиной. Как и можно было ожидать, Константина Сергеевича сразила смерть его отца. Он захирел сейчас же после нее и уже не мог поправиться. Константин Сергеевич был безнадежен; не только свои, и чужие боялись за него.

Его укоряли, что он не бережет себя, еще прямо и в том, что он как бы намеренно убивает себя.

Сущность исторических трудов К. Аксакова сводится, по словам его биографа, к четырем основным положениям: 1) что уклад первоначальной русской жизни был не родовой, а общинно-вечевой, 2) что русский народ резко отделял понятие земли от понятия о государстве,

3) что древнерусская допетровская Россия представляет собой картину высоко идеальных общественных отношений и 4) что русский народ есть носитель специально ему присущих высоких доблестей, которые отводят ему особое, высокое место во всемирной истории.

Константин Сергеевич Аксаков умер с небольшим 40 лет, успев достаточно разочароваться в жизни, но не в своей теории.

(В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 38. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

Иван Сергеевич Аксаков

Иван Сергеевич Аксаков, младший сын Сергея Тимофеевича, родился 26 сентября 1823 года, в селе Надеждине Белебеевского уезда Уфимской губернии. В 4 лет от роду его перевезли в Москву. Учился он, однако, не здесь, а в Петербурге, в институте правоведения, который и закончил в 1842 году.

(В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 53. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

После войны Аксаков, ввиду новых веяний, возвратился к известному своему призванию - журналистике. На самом деле это был настоящий публицист, пламенный, искренний, бесконечно уверенный в себе и своих убеждениях. С молоком матери, с атмосферой родительского дома, с дружбой брата воспринял он славянофильские догматы. Вместе с Константином Сергеевичем он верил и исповедовал, «что русский народ есть народ негосударственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя государственных прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия», и хотел лишь того, чтобы между властью и земщиной установились живые нравственные отношения, уничтоженные реформой Петра.

Как публицист, Иван Аксаков составил себе крупное имя. Особенным успехом пользовалась его газета «День», где проводились лучшие идеи старого славянофильства. «Аксаков – издатель „Руси" был, по преимуществу, глашатай русской самобытности и связанной с ней национальной исключительности, глашатай ожесточенной вражды ко всему тому, что дорого прогрессивной части русской интеллигенции.

Наиболее горячим симпатии «Дня» принадлежали крестьянскому делу.

Почему же Аксаков, в принципе отрицавший какие бы то ни было политические преобразования, постепенно все более и более сближавшийся с партией застоя, не ладил и не мог ладить с цензурой? Виновата в этом, думается, не столько сущность его идей, сколько форма, которую он придавал им, - форма всегда резкая, непримиримая, вызывающая. Он слишком подчеркивал свое право, как земского верноподданного человека говорить все, что ему кажется справедливым. Голос общественного мнения - хотя бы одной только части его - находил себе в нем слишком смелого трибуна.

В 1880 году он принялся за последнее свое дело - издание «Руси».

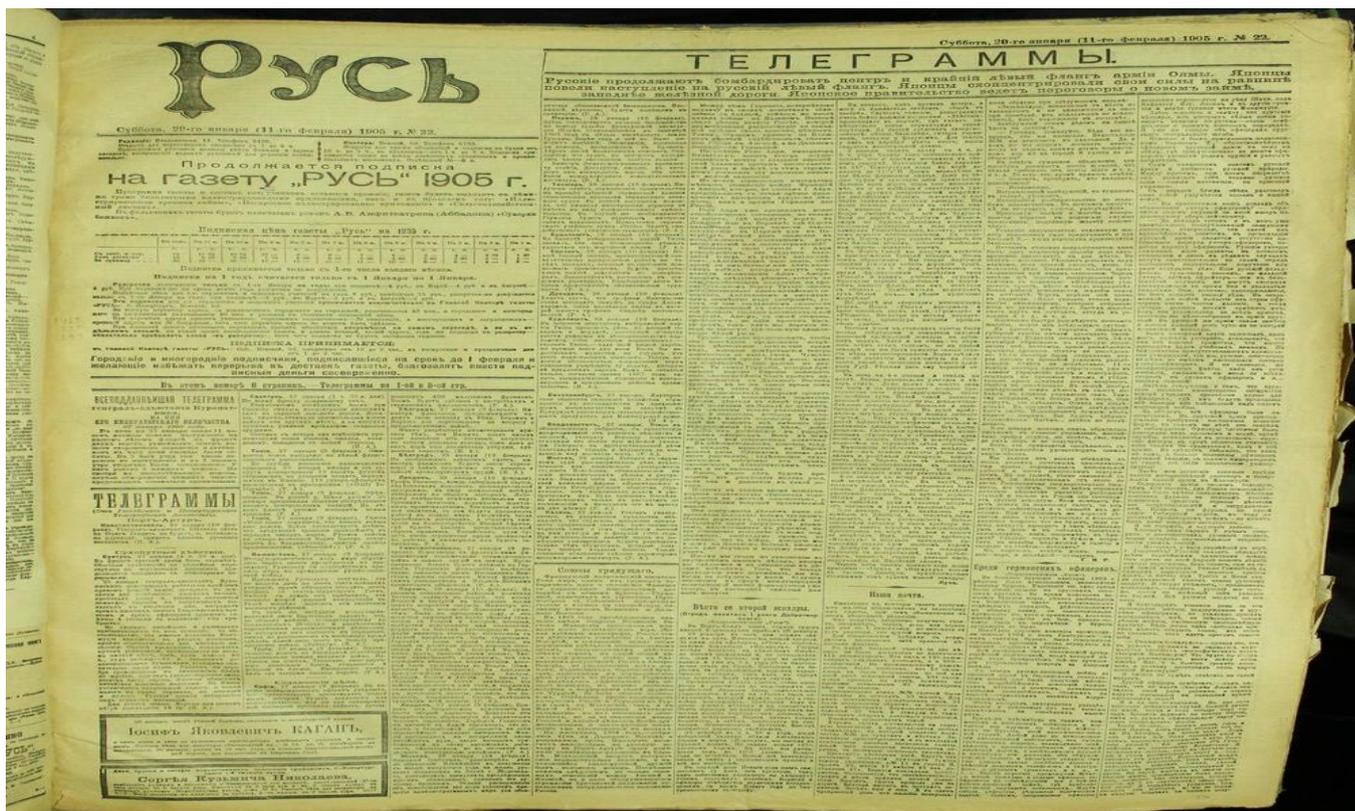
Оптимистическая гарь славянофильства особенно резко выступала в этом органе Аксакова. «Русь» Аксакова оставила по себе не особенно лестную память, хотя и не во всех кружках общества. Но все же не видно, чтобы газета где-нибудь пользовалась особенным влиянием и уважением. Дойти до полной прямолинейности Аксаков не мог, не смел, и вся его страсть, весь его талант тратился на ветер, по-пустому. Он переставал быть истинным журналистом и только пребывал в журнализме...

В одной из статей по болгарскому вопросу, появившейся в конце 1885 года, Иван Сергеевич, со свойственной ему резкостью, напал на нашу дипломатию. Он утверждал, что у заправил нашей иностранной политики нет ни ума, ни сердца, ни совести, ни чести. Подобные нападки неоднократно уже появлялись на страницах

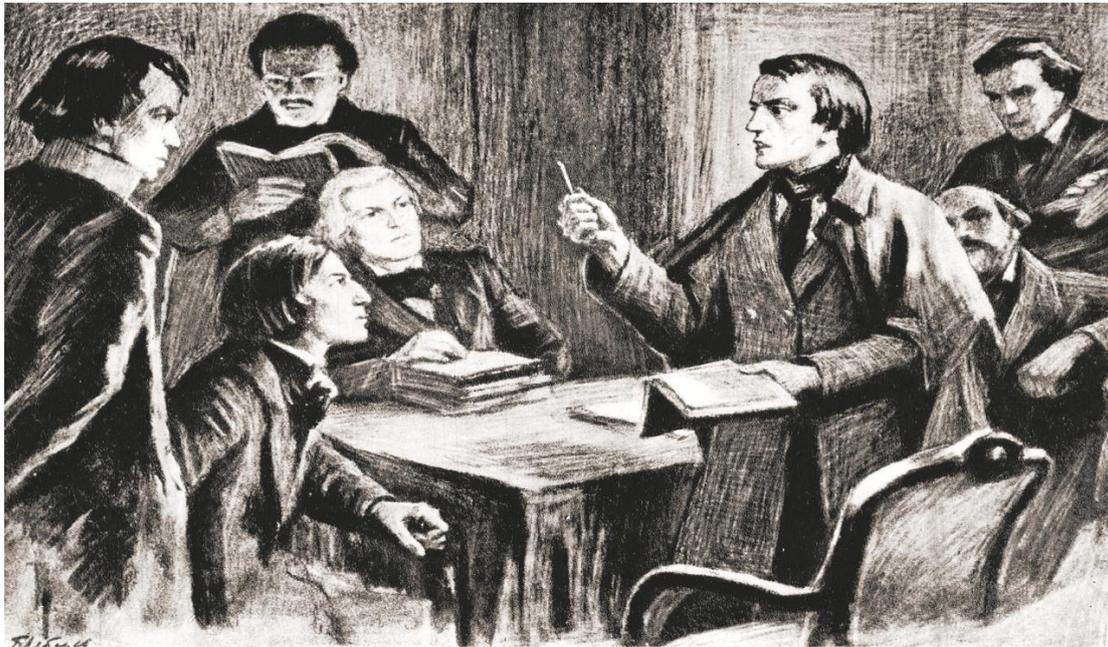
„Руси“, все равно как мысли, высказанные Аксаковым в речи о берлинском конгрессе, тоже не были новостью для постоянных его слушателей и читателей. Но, как и во время произнесения этой речи, политический момент появления выше упомянутой статьи был затруднительный и «Руси» было дано предостережение, мотивированное тем, что газета, «обсуждает текущие события тоном, несовместимым с истинным патриотизмом»».

Исполняя точную букву закона, «Русь» напечатала предостережение без всяких оговорок, но в следующем же номере (22) Иван Сергеевич поместил совершенно неслыханную по своей резкости отповедь на тему о том, что должно считаться «истинным» патриотизмом - отповедь на этот раз уже не по адресу дипломатов, а по адресу министерства внутренних дел.

Статья, о которой только что шла речь, появилась в декабре 1885 года, а 27 января 1886 года Ивана Сергеевича не стало. Его сразила болезнь сердца.



Славянофильство



Положительная сторона старого славянофильства вся без остатка исчерпывается его протестом против крепостного строя современной ему России, против закабаления личности, какие бы вилы оно ни принимало. Во имя чего возник этот протест? Отчасти уже знакомые читателю исторические взгляды К. Аксакова являются лучшим ответом на этот вопрос.

В своем критическом разборе «Истории России» Соловьева К. Аксаков указал, как недостаточно сводить историю России к истории правительства в России, внешним образом и насильственно преобразующего косный народ. Начало государственное - это лишь формальная сторона в истории, ограничивающая, сдерживающая, охраняющая. Воинский стан и канцелярский приказ, князь - собиратель дани, великий князь московский, дающий перевес интересам государственным над родовыми отношениями, наконец, император как просветитель, преобразователь - вот постоянная тема всех предыдущих историков, разрабатывая которую они едва имели досуг бросить какой-то боковой взгляд на стоящий в глубине сцены безмолвный, бездеятельный, безвольный народ.

Почему же славянофильство не оправдало надежд своих сторонников, почему оно начало разлагаться почти на их глазах? На эти вопросы может быть только один ответ: славянофильская доктрина была не более как утопией. Как утопия она подверглась обвинению со стороны жизни и выслушала свой обвинительный приговор.

На восхваление прошлого историческая наука отвечала: «Это неверно»; на призыв назад, домой, ход жизни сказал: «Это невозможно». Сами деятели славянофильства были поставлены в такие условия, что, не будь у них иллюзий, они должны бы давным-давно признать себя побежденными. Они были благороднейшими представителями старого родовитого дворянства; выйдя из его среды, они всем сердцем прониклись его идеалом - патриархальным строем жизни, они распространили этот идеал на всю совокупность общественных отношений; страстные, фанатически убежденные, почерпавшие свой аргумент из воспоминаний детства, из преданий целого поколения семей, они не хотели знать, что идеал, строй жизни - историческая категория, что патриархальность отношений немыслима во второй половине XIX века.

Любопытный пример в этом отношении представляет из себя жизнь Ивана Сергеевича Аксакова. Он - последний из могикан старого славянофильства, человек с громадными дарованиями, сильный публицист - словом, богато одаренная натура в любом смысле этого слова - истратил свою жизнь на создание таких планов и поддержку таких целей, которые не могут теперь привлечь никого. Вера в славянство, надежда, возлагаемая на него, не оправдались. Даже насчет войны 1877-1878 годов многие, когда-то самые горячие ее сторонники и защитники, принуждены спрашивать себя: «Да из-за чего же мы воевали? Да стоило ли отвлекаться от своих внутренних дел, от всех насущных забот, чтобы преследовать романтические задачи?» А ведь из-за этих романтических задач Иван Аксаков гремел на всю Россию, шумел и волновался, как только может шуметь и волноваться искренне убежденный человек. Берлинский конгресс - вот жестоко-иронический ответ жизни на панславистские идеи Аксакова, но он не понял и не хотел понять этого.

Личная его жизнь одинаково претерпела то же самое жестоко-ироническое отношение вмешательства судьбы. Мы знаем, что защита общинных укладов, артели, мира была краеугольным камнем его блестящей общественной пропаганды. Община, артель, мир - это три устоя, на которых он строил будущее счастье русского народа. Он был их истинным паладином и, закрывая глаза на факты (что, вообще говоря, должны были делать все славянофилы), не хотел знать

и видеть, что уже и в его время община, мир, артель начинали трещать и разлагаться. Этому процессу содействовало и даже обуславливало сила денег, сила капитана и капиталистический дух наживы, индивидуализма, имущественного неравенства, который с каждым днём подмывал «вековые устои».

И. Аксаков был несомненно таким же честным и доблестным рыцарем своей идеи, как и его брат, как и те люди, под восторженные речи которых прошло его детство и юность. Тем характернее и поучительнее то обстоятельство, что он очутился во главе капиталистического предприятия и был вынужден правой рукой разрушить то, что создавал левой.

В еще более поучительном виде предстанет перед нами падение славянофильства, если мы проследим, хотя бы вкратце, процесс его вырождения. В своей первоначальной, очевидно, слишком уже непрактичной форме оно не могло долго оставаться.

Итак, славянофильство вдруг оказалось гонимым, и притом с двух сторон: правительством за либерализм (мурмолка, борода и пр.), либералами - за «археологию». Доктрина, как совмещавшая в себе непримиримые противоречия, никому не показалась по вкусу. С одной стороны, говорилось: «Раз вы ненавидите современный строй, то вы - преступники, хотя бы и терпимые еще», с другой: «Раз вы ненавидите современный строй, то будьте искренни. Ибо с какой точки зрения ненавидите вы его? С точки зрения собственного достоинства? Личной свободы? Прекрасно: все это - западноевропейские начала. Итак, искренне и откровенно примкните к нам».

Но сделать это славянофилы не хотели и не могли. Самые преданные из них, «иллюзионеры», позволили развиваться противоречию до того, что, вроде Ивана Аксакова, проповедовали общину, артель и пр., служа директорами в банке; другие, поняв существование противоречия, решились отделаться от него, превратив «славянофильство» в «национализм».

Что такое национализм? Это именно одна, правая сторона славянофильства. Славянофилы всегда исходили из мысли, что русский народ особенный, т. е. такой, которому указаны другие пути, чем народам западно-европейским. У тех - индивидуализм и борьба личности с личностью за счастье; у нас - община; у тех

политическая свобода - нам этого не надо и т.д. Но русский народ не только особенный, он - лучший народ из всех существующих. Он совокупляет в себе блестящие качества, он переустроит жизнь по идеальному христианскому образу.

Эта часть славянофильской доктрины пришлась как нельзя более к дому.

Киреевский, Хомяков, Аксаков твердили, что прошлое наше безупречно, как чисто русское, не загрязненное западноевропейскими началами, но современность полна грехами.

Их преемникам, чтобы выбраться из рокового противоречия, оставалось объявить грехи добродетелью. Они так и сделали.

К. С. Аксаков решительно выступал против конституционалистских идей, отвергая любые возможности ограничений, налагаемых на верховную власть.

Единственно возможной и необходимой «конституцией» Аксаков объявлял свободу слова и мысли, и в печати, и гласно. Требуемая же дворянством конституция, согласно отстаиваемой им славянофильской концепции, чужда народному духу и ведёт к окончательному разрыву «живого союза с народом» самодержавной власти.

Таким образом, как и у других славянофилов, у К. Аксакова монархизм и антиконституционализм сочетались с признанием необходимости политических свобод для личности и общества и обоснованием неизбежного несовершенства и даже «второстепенности» государственно-правовых отношений и самого государства.

Смертная казнь в России

Иван Сергеевич Аксаков в своём произведении «Об отмене смертной казни» высказывался против применения этого вида наказания.

По мнению Аксакова, смертная казнь отнимает у человека то, что не человеком ему дано, чего возратить ему люди не властны, на что имеет неотъемлемое право всяк живой — жизнь.

Аксаков считал, что та цель, которую думают достигнуть чрез смертную казнь, достигается чрез тюремное заключение или ссылку. Рассмотрим подробнее.



Россия первая в Европе подала пример уничтожения смертной казни. Елизавета приобрела себе неувядаемую славу и вечное право на признательность подданных, отказавшись от присвоенного себе государством права убивать людей по своему усмотрению и этому убийству придавать святой характер законности и правосудия. Двадцать два года ее царствования прошли без казни. При Екатерине II, хотя и было исполнено несколько смертных приговоров, но общий принцип остался в своей силе, и смертная казнь не имела места в системе русского уголовного законодательства. Даже в XV томе Свода Законов первых двух изданий в лестнице уголовных наказаний не числилось смертной казни. В примечаниях была только сделана ссылка на некоторые примеры смертной казни, назначавшейся сверхзаконно - по приговорам верховных уголовных Судов.

Отношение общества к государству

По мнению К. С. Аксакова, отношения между обществом и государством должны регулироваться не юридическими нормами, а обычаями и христианской нравственностью.

Государство, по Аксакову, — страж высшего порядка, а «земля» (община) — совокупность духовных начал и норм жизни. Эти отношения не нуждаются ни в каких правовых гарантиях, поскольку основаны на верности идеалу и нравственном убеждении, которому соответствует русское понятие правды.

Функции государства ограничивались, по мнению Аксакова, управлением внешним и внутренним, организацией военной службы и защитой земли от внешних врагов, защитой прав слабых, борьбой против греховных, антиобщественных явлений и охраной свободы общественного мнения.

Граждане обязаны исполнять государственные требования, но самостоятельны перед государством в смысле свободы выражения своего мнения, которое, не заключая в себе политического элемента, обладает лишь нравственной силой. В книге «В чем сила России?» говорится так:

«Государству предоставляется полновластие, ничем формально не ограниченное, для общества же выговаривается неограниченная свобода жизни умственной, религиозной, промышленной, то есть свобода слова, вероисповедания, право ассоциаций, право петиций. Действительно, этого права никогда не существовало как права, в смысле права сознанного, законом закрепленного и утвержденного, но оно жило и действовало как обычай, как самое обыкновенное, естественное отправление гражданского быта допетровской Руси.

Допетровская Русь может, по справедливости, во многих отношениях гордиться пред политической системой современных ей государств Западной Европы - той свободой, которая предоставлялась подданным в высказывании их мнения перед верховной властью, и тем запросом на это свободное мнение, который жил в сознании и в обычае этой власти. То «право петиций», о котором в наше уже время, во второй половине XIX века, принадлежало допетровской Руси в самом широком объеме, никогда, нигде, ни в чем не нарушая доброго согласия между правительством и народом, даже не возбуждая и мысли о каких-либо политических правах и привилегиях.

Недоразумение, как туман, пало на нашу землю, заволокло правду вещей стало зыбко, неверно иль мнимо. Недоразумение - вот слово, которым может быть характеризовано настоящее состояние умов в России.

Недоразумение между властью и страной, между правительством и обществом, между интеллигенцией и простым народом, и такое же тяжкое, мучительное взаимное недоразумение между лицами внутри самих рядов - и правительственных, и общественных, и даже народных. Все как-то вышло из колеи, сдвинулось с своего старинного подножья, утратило веру в прежнюю незыблемость, прочность, определенность положения и окружающей обстановки, все недовольно, все чего-то хотят, куда-то спешат, о чем-то хлопочут, голосят, каждый свое и в одно время, все словно впотьмах сталкиваются или минуют, не

узнают, не понимают друг друга. Народ чует и слышит, что над ним в верхних слоях возятся, пишут, толкуют, гомонят, все про него да о нем, и весь этот долетающий до него гул порождает в нем фантастические представления; всякое отрывочное известие слагается в легенду, сообразную с тайными его разнообразными чаяниями и вожделениями, - и жадно ловит он всякий ласкающий его мечту слух, и если еще не волнуется, то уже колышется смутной молвой, тревожным недоразумением. Поверх же народа... Здесь без сомнения все одушевлено самыми искренними благими желаниями, все и все, как средневековые алхимики, допытывавшиеся эликсира жизни, в погоне - за правдой жизни народной, все наперерыв суетятся ее поймать, уловить, ухватить, упрятать в свой ларчик, подвергнуть каждый своей излюбленной аппретуре, формуле, определению, и в таком обработанном виде преподнести на правительственное распоряжение и всеобщее употребление. И все рвут от нее только клочья, и никому еще она, эта правда, целой не далась и не дается, хотя чуть ли не каждый мнит себя ее обладателем! Почему? Потому, что про нас можно сказать и теперь, как уж очень, очень давно было сказано пишущим эти строки, что мы все:

«Речь умную, но праздную ведем,

О жизни мудрствуем, но жизнью не живем!»

(В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 174. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

О нравственном состоянии нашего общества и что требуется для его оздоровления

(Первая публикация: «Русь», 1882. 17 апреля.)

Газета последовательно отстаивала принципы идеологии славянофильства, в частности, утверждение свободы мнения и свободы слова перед лицом самодержавного государя.

В данной статье автор пишет, что человеку, не принимающему непосредственного участия в правлении, для сохранения спокойствия духа и ясности соображения, лучше всего не слушать слухи и не читать иностранные газеты.

«Лицам, стоящим на высотах власти, не мешало бы иногда снизойти с этих высот долу, перенестись, хоть мыслью, в положение всей этой несметной массы подвластных, поразведать, постараться понять, как отражается правительственная деятельность в общественном сознании, в ладу ли с правительственным камертоном духовный строй управляемых, и если не в лад, то почему: строй ли фальшив, камертон ли неверен или же не довольно звучен? И тем нужнее подобное расследование для центральной власти, чем отдаленнее и уединеннее место ее пребывания от сосредоточия народной и общественной жизни. Мы разумеем здесь, конечно, не одно ведение действительных, практических нужд страны - экономических, бытовых, социальных, потребность которого уже достаточно определилась, да и вполне признана самим правительством; мы в настоящем случае имеем в виду нечто иное - именно нравственное состояние общества, которое не может же не быть принимаемо в соображение и расчет верховящей властью. В области управления действуют не одни внешние условия пользы, выгоды, практической целесообразности, но и нравственные факторы - сочувствие, одушевление, доверие. Не одни частные, дробные, хотя бы и вполне основательные мероприятия двигают страну к преуспеянию, но еще сильнее, может быть, двигает ее провозглашение и исповедание начал, указание идеалов, одним словом, все то, что вызывает в обществе жизнь и деятельность духа. Нравственное состояние общества - это именно та атмосфера, от которой зависит рост и процветание правительственных законодательных насаждений: оно может быть здоровое или недужное и в последнем случае нередко нуждаться в правительственном врачевании; оно может испытывать в данную минуту и особые психические потребности, заслуживающие заботливого внимания, а иногда и немедленного удовлетворения...

Никто не назовет нравственного состояния нашего общества здоровым, да откуда же здоровью и быть? Было бы более чем странно, если бы мы совсем безболезненно расквитались с позором и ужасом последних лет и с олимпийским спокойствием предусматривали в будущем возможность нового срама, нового содрогания, новых обид и бедствий. Не может же нормальный строй духа освоиться с подобной чудовищной аномалией и признать ее неизбежной

принадлежностью русского общежития, естественной приправой нашего ежедневного обихода! Поистине, можно только дивиться крепости наших общественных основ и нервов! А нервы все-таки потрясены, и у всех; недоумение пригнетает многих; колобродство мысли и шаткость нравственных понятий, смута умственная и душевная одолели немалую часть общества. Но и в большей его части, в той, которая чужда и так называемого нигилизма, и доктринерского либеральничанья, которая в своем стремлении к гражданскому совершенствованию, к правде силится удержаться на органическом и историческом, национальном пути, - и в этой части общества, сравнительно более здоровой, нет сердца, не удрученного скорбью, не одержимого страстным желанием обновления в надежде и вере. В самом деле, после всех страшных событий, насильственно прервавших мирное течение исторического дня, невозможно же «возвратиться паки на прежняя», то есть пытаться восстановить то же течение, как будто ничего и не бывало, как будто все совершившееся было лишь случайным эпизодом, временной досадной помехой! Слишком натянуты были все струны общественного духа, слишком жгуча испытанная боль; слишком остры страдания... После внезапно охватившей нас тьмы и удушья живее, томительнее алчется света и воздуха. После этого урагана лжи, закрутившего умы, заслепившего души, так нужно, никогда не было нужнее мощное дыхание правды! После всех этих явлений слабости, безволия, зыбкости мнения и хотения в представителях власти, какой неотразимой, мучительной потребностью стала для общества сила усугубленная, воля незыблемая, твердая, ясная мысль! Блистательное, торжественное оправдание нужно тем началам порядка, на которые совершено было посягательство, которые подверглись порицанию и отрицанию и которым пребыло верно необъятное большинство всей страны! И как бы хотело оно, это большинство, снова беззаветно довериться, снова одушевиться надеждой и рвением, и ждет оно внятного, властного зова, вслушивается, всматривается, нет ли где путевых указательных признаков, не видать ли высоко и бодро развевающегося знамени...»

В этом отрывке автор пишет о том, что едва ли общественная потребность сознаётся вполне отчётливо в Петербурге, в высших, руководящих сферах.

Благонамеренность правительственных деятелей не подлежит сомнению, целый ряд частных полезных мер свидетельствует о прилежной заботе и работе людей, поставленных на высшей чреде государственного служения. Но вся эта полезная и честная деятельность по своему дробному и как бы случайному характеру не стоит на уровне того, что на потребу историческому дню и возбуждённому общественному духу.

Автор считает, что возобновляющиеся от времени до времени проявления революционного нигилизма не особенно могут способствовать тому водворению душевного спокойствия, которое так было бы желанно для общества. Они только обостряют ожидания и требования, обращённые к власти.

«Во всяком случае, несомненным представляется нам одно: крупны были испытанные Россией ощущения - нужно и крупное властное действо... Вот в чем психическая общественная потребность, которая, смеем думать, заслуживает некоторого внимания.»»

(В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 181-184. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

Вообще удивительна эта способность русского общества - все истаскать, истрепать, обезобразить, опошлить, унижить, выгрязнить, и потом вовсе не из благородного негодования и не после напрасных упорных усилий упрочить, уберечь доброе, отринув злое и ложное, а так... из легкости или бескорренности мысли, из необыкновенной развязности чувств и совести, из мелкодонности душевной! Невольно вспоминается отчаянный возглас Гоголева городничего: «Что за город! Только поставь какой-нибудь монумент или просто забор, Бог их знает, откуда и нанесут всякой дряни!». И мы это свойство сами за собой ведаем, до такой степени ведаем, что скептически, уже вперед, относимся ко всем собственным благим и, сперва, как будто удачным начинаниям!

(В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 188. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

Русская колонизация — процесс освоения и заселения новых территорий русским народом.

В результате колонизации слабозаселённых территорий (преимущественно на севере и востоке) геополитическое пространство Русского государства к концу XVII века значительно расширилось.



Все присоединенное древней Русью пристегнуто ею крепко и неразрывно. Русская колонизация допетровских времен совершила обширные, прочные мирные завоевания, ставя в самых отдаленнейших пределах села, церкви и монастыри (которые мы теперь упраздняем); жизненная сила национального духа была такова, что всякая окраина сращалась органически плотно с государственным телом. Совершенно не то - со всеми завоеваниями России с XVIII века: они до сих пор или еще не срослись, не претворились в нераздельную часть нашего организма, или же плохо заселены и колонизованы, да и колонизованы-то большей частью приглашенными иностранцами, без пользы для государства. Этот факт налицо... В прочем, даже и в начале XVIII века еще не успел тотчас вполне избыть во всех русских деятелях дух народный, древний дух исторический; цивилизация еще коснулась только внешности, не извратила еще совсем их умственного склада, не выпорожнила начисто из памяти предание старины.

Так, дипломаты, например, времен Петра, Елизаветы еще отличаются здравомыслием, деловитостью и сознанием своего народного достоинства. Екатерина II силой своего личного ума еще способна ценить эти свойства и отчасти поддерживать их. Но по мере того, как русские руководящие классы

становятся культурнее, и цивилизация проникает их духовное естество, все более и более скудеет творческий государственный разум, сильнее мутится здравый смысл, трещина, данная русскому организму петровской реформой, все шире расседается, родная земля уходит из глаз, история - из памяти, и, по замечанию И. Е. Забелина' (в N 24 «Руси»), XVIII веку под конец не только XVI, но и XVII век становятся совсем непонятны. С начала же XIX столетия, особенно с водворением бюрократического режима, заимствованного у Франции пресловутым Сперанским, наша отчужденность от народа и народности, наша неспособность уразуметь живой смысл русской действительности быстро направляются к своему апогею, и раздвоение России на настоящую и ненастоящую, на подлинно историческую и поддельную выступает во всей своей яркости. К этой первой, настоящей и подлинной, России принадлежал и продолжает еще, слава Богу, принадлежать (пока еще не сбили мы его с толку) русский народ, в тесном значении этого слова, спасая себя и нас... В сущности, после Петра, только то в исторической жизни России за эти без малого два века и было велико и плодотворно, что так или иначе обуславливалось непосредственным участием народа, - то действие, где приходилось или ему самому выступать деятелем, или же самой правящей интеллигенции с ним считаться, применяться к его весам и мере.

Все же остальное носило на себе печать неумелости, невежества родной страны, ее истории, ее потребностей, ее заветов, печать антинациональности, мертворожденности, и вместе с тем - пошлости, пошлости беспредельной и мощной...

И как бы ни кичились мы, сверхнародные общественные классы, своей культурой, не можем мы заглушить в себе болезненного, тоскливого чувства, что мы живем жизнью не настоящей, что вот мы уже чуть не двести лет все что-то представляем, все силимся чем-то казаться, но не умеем быть, - что пошлость, разъедающая пошлость, как казнь, преследует нас по пятам! И вот, даже и к концу XIX века, обретается вся наша интеллигенция расписанною по табели о XIV немецких рангах, и столицей русского народа и Святой Руси - город с немецким прозванием, чуть не за русским рубежом, где-то на Ингерманландской трясине

лицом к Европе, задом к России: достойная иллюстрация этого исторического периода! Однако какой же из этого следует вывод?

Не тот ли, что чем культурнее, тем слабоумнее, чем сильнее цивилизация, тем слабее здравый смысл? Вывод, по-видимому, чудовищный. Неужели и в самом деле

«Нам просвещение не пристало,
И нам осталось от него
Жеманство - больше ничего!»

(В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 191. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

О судебной реформе

(Впервые опубликовано: «День», 1862. №42, 20 октября)

Две точки зрения или, вернее сказать, два мерила оценки существуют у нас для всякого законодательного распоряжения точно так же, как и для совершаемой ныне судебной реформы. Всякое проектируемое преобразование может быть рассматриваемо само по себе, с точки зрения отвлеченной теории, вне условий места и времени, и с точки зрения современной, настоящей русской действительности. Оно может соответствовать вполне всем доселе известным требованиям науки, явиться вполне безукоризненным пред судом чистой, абстрактной мысли, и в то же время оказаться несостоятельным, непригодным в применении к делу, неспособным выдержать состязания с жизнью. Мы позволим себе заметить, что несоответственность теории с жизнью не всегда удобно объясняется одной неразвитостью народной массы: упорство последней свидетельствует иногда о присутствии в ней таких требований, которые только не поняты теоретиками, еще не получили прав гражданства в науке, опробованной цеховой ученостью. И именно это неравновесие нигде не является в таких крупных размерах, как у нас дома, в России. На Западе самая теория вырастает органически из жизненной почвы; она всегда сродни общественной среде; она, при всей своей видимой отвлеченности, коренится в характере и умственном складе народа, в его нравах, в его истории. Если она является неприложимой и

безобразной в действительности, все же она есть аномалия той же жизни, ее выродок, болезнь своя, а не чужая. Мы же поставлены историей в условия совершенно иные...

После реформы Петра уровень образования нашего общества стал до такой степени отличен от уровня народного, умственного и духовного развития, что верх и низ в этом смысле не только не представляют того согласия, о котором возмечтали уже некоторые петербургские журналисты, но в большей части случаев совершенно не понимают и лишены всякой возможности понимать себя взаимно, как два мира, развившиеся в обратном друг к другу отношении, по законам совершенно противоположным.

Возьмите большую часть явлений административной и законодательной деятельности петровского периода нашей истории. С одной стороны, результаты самого утонченного развития, - жизни, жившей всей полнотой своих средств, во всемогуществе свободных органических отправлений, позднейшие порождения седой цивилизации, долговременного, многосложного исторического опыта; а с другой - жизнь, похожая иногда, вследствие неблагоприятных внешних условий, на прозябание. С одной стороны, все готовое, извне вносимое, предлагаемое организму; с другой - организм, трудно принимающий готовое, потому что оно не прошло путем его органического процесса. С одной стороны, чужое, принадлежащее национальности французской, немецкой, английской, вообще германо-романской, с другой - свое, принадлежащее народности русской, славянской, своеобразной.

Вот при каких условиях совершается со времен Петра наше гражданское развитие. В последние полтора столетия образованные классы общества приветствовали столько «просветительных и цивилизационных» начинаний и столько раз были потом разочаровываемы опытом, что Россия, так сказать, с недоверием относится к пользе и добру законодательных предприятий. Без всякого сомнения, передовые люди общества времен Екатерины ликовали и радовались ее дубернским и земским учреждениям, ее либеральным нововведениям не меньше, если не больше, прогрессистов нашего времени, радующихся, например, судебной реформе; мы не хотим сказать, чтобы радость

последних не была основательна, но мы заявляем только, что она еще не служит совершенным ручательством во внутреннем достоинстве какой-либо законодательной меры.

Мы убеждены, что пока не восстановится цельность нашего общественного организма, пока то, что живет на степени начал и смутных потребностей, не найдет себе полного и сознательного выражения в обществе, - до тех пор никакая личная изобретательность, никакое мастерство в сочетании и выводе отвлеченных понятий, не восполнят ощущаемого ныне недостатка доморощенного материала, которого жизнь еще не успела выработать и без которого трудно себе представить совершенно самостоятельное органическое законодательство... Но что же делать законодателю, при отсутствии этого необходимого органического материала? По-настоящему - ждать, пока этот материал выработается жизнью, а до того времени направить свою деятельность к облегчению для жизни ее производительного труда - устранением всего того, что ее жмет и теснит.

Возможно ли, при недостатке жизненного опыта, делать заключение о пригодности или непригодности новой законодательной меры?

Обратимся же к судебной реформе.

Новые судебные учреждения окажут нам действительную услугу уже в том, что помогут сдвинуть с места крепкие насаждения старины петровской. Но этого мало. На вопрос наш, в какой степени эта реформа благоприятствует деятельности общественной мысли и, следовательно, свободному развитию самой жизни, мы можем отвечать положительно и указать на публичность и гласность суда как на лучшую, самую жизненную и плодотворную сторону преобразования. Если в последнем и содержатся некоторые противоречия с требованиями народного духа, то при публичности и гласности суда, при свободном обмене мыслей в печати с этими недостатками жизнь, верим мы, может и сама справиться...

Открытость и гласность суда - это такой переворот в нашем общественном быту, что трудно даже обхватить мыслью весь объем его последствий. Возьмите сборник русских пословиц Даля, прочтите там все отметины, которыми зарублена в народной памяти история наших судебных учреждений, взгляните в черты, которыми охарактеризовал он этот мир судей, дьяков, подьячих и приказных;

вспомните те заклинания или заговоры, к которым прибегают суеверные люди в народе, «чтобы не довелось иметь дело с судом ни правому, ни виноватому» - вот что значил и значит наш суд для народа! С трудом верится, что весь этот замкнутый, заколдованный судебный мир, весь этот страх суда и судей весь этот значительный элемент нашей общественной жизни может скоро сделаться диковинным преданием и уйти в такую даль народного воспоминания, где все облекается в какой-то баснословный или сказочный призрак...

Это отношение народа к суду составляет главную язву нашего гражданского порядка, и поэтому заслуживало бы особенного внимания нашего общества. Что было причиной такого отношения?

Чуждое ли происхождение всего нашего судоустройства и судопроизводства?

Одна ли подкупность судей? Или еще другие причины?

По совести, мы не можем объяснять этого народного воззрения на суд только чуждым происхождением настоящего судебного порядка.

Большая часть народных пословиц о суде древнее петровской реформы. На московскую волокиту, считая ее разорительнее для себя всякой войны с турками, жаловались гости, посадские и черных слобод тягловые люди еще на Земском Соборе, при царе Михаиле Федоровиче. Самые названия: дьяк, подьячий, приказный, наследованы нами от древнего государственного наряда.

Если так, то ужели одна только подкупность судей внушала народу такое к суду отвращение?

Мы не думаем, чтобы только одна подкупность; не одни судьи подкупны; не из этой только боязни избегает у нас суда человек невинный, даже призываемый в качестве свидетеля. С подкупностью властей, если она не слишком неумеренна, наш народ, к сожалению, уживается легко.

Нам кажется, что тут, кроме подкупности, есть еще и другая причина. Все эти пословицы, обличающие народное воззрение на суд, говорят только о суде приказном или воеводском, но не о суде народном, мирских сходок, третейском или даже древнем княжеском. Не следует ли видеть в этом особенное несочувствие народное к суду формальному, основанному на одной формальной,

внешней, а не на живой, нравственной правде? В русском народе, вместе с признанием необходимости внешнего закона, есть именно то, что многие ставят ему в упрек, а некоторые готовы во многих случаях поставить ему в достоинство: недостаток чувства легальности или законности. (В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 217-221. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

Свободы: слова, совести, цензура

«Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместна с существующей у нас политической формой правления»

(Статья была написана для газеты «День» от 24 января 1863 г., но была снята цензурой. Печатается по: Собр. соч. Т. 4. СПб., С. 319-322.)

Ничто так не гнет душу, нет в мире ощущения более тягостного и мучительного, как это сознание своего бессилия, как это внутреннее безверие в свои силы! Оно умерщвляет в самом зародыше всякое начинание, поражает слабостью всякую деятельность, разъедает, подтачивает своим тайным ядом все, что еще остается живого и цельного в общественной жизни. Такая неспособность, такая импотенция нашего общества парализует, в свою очередь, добрые начинания и самого правительства, истощающегося, как мы сказали, в бесплодных, хотя нередко и благородных усилиях. Едва ли позволительно надеяться, что внешние и извне налагаемые на общество либеральные учреждения воскресят и оживят общество, когда для жизни самих этих учреждений нужно присутствие жизни духа и духа жизни (по выражению поэта), которых именно недостает нашему обществу! Никакие реформы - ни преобразование судов, ни земские учреждения, ни новое городское «самоуправление» - не принесут даже и той пользы, которую бы они могли дать (независимо от своих собственных внутренних недостатков) при таком нравственном, или лучше, безнравственном состоянии общества!

Примеры всего лучше пояснят нашу мысль. Если человек поражен слепотой, болен катарактой на глазах, то напрасно будете вы вооружать его доспехами и давать палицу в руки, чтобы он мог защищаться от врагов, когда прежде всего нужно бы снять с него катаракту и вернуть ему зрение! Если узник чахнет от

недостатка свежего чистого воздуха, то никакое благодетельное разрешение самоуправляться внутри своего смрадного жилища не даст ему ни здоровья, ни сил для ходьбы и движения, пока он недохнет свежим и чистым воздухом!

Как ни благодетельны многие реформы, но для успеха самих реформ необходимы были бы, по нашему мнению, такие меры и средства, которые бы непосредственно действовали не на ту или другую внешнюю часть общественного организма, а на весь его внутренний строй в его целостности, на общее начало органической жизни. Действие этих мер и средств чисто нравственное и похоже, по выражению одного писателя, на так называемые тонические средства в медицине, то есть дающие общий тон физическим отправлениям больного человеческого организма.

К таковым мерам относим мы свободу мнения и выражения его в слове.

Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человека, без которой он не человек, а животное. Бессмысленны и бессловесны только скоты, и только разум, иначе слово уподобляет человека Богу. Мы, христиане, называем самого Бога словом. Посягать на жизнь разума и слова в человеке - значит не только совершать святотатство Божьих даров, но посягать на божественную сторону человека, на самый дух Божий, пребывающий в человеке, на то, чем человек! Свобода жизни разума и слова - такая свобода, которую по-настоящему даже смешно и странно формулировать юридически или называть правом: это такое же право, как право быть человеком, дышать воздухом, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условие самого человеческого бытия; при нарушении этой свободы нельзя и требовать от человека никаких правильных отправления человеческого духа, ни вменять что-либо ему в преступление; умерщвление жизни мысли и слова - самое страшнейшее из всех душегубств! Человек, стесненный в свободе мыслить и выражать свою мысль словом, чувствует себя стесненным во всех своих действиях, требующих участия мысли и воли, не годится ни для какого общественного дела, плохой гражданин, плохой слуга обществу и государству.

Все это считается старыми избитыми истинами, а между тем - странная судьба русского человечества - у нас именно потому и не обращают внимания на

эти истины, что эти истины стары! Но без воплощения в нашу жизнь этих старых никакие новые истины не способны оплодотворить нас, как бы усердно ни хлопотало о том правительство. Если вы требуете от человека содействия, помощи, услуги, разумной покорности и исполнительности, дайте ему, прежде всего, возможность быть человеком, то есть право мыслить и говорить, а не превращайте его в скотоподобное, бессловесное и бессмысленное существо. Убедитесь сначала в этой истине, а потом уже и налагайте ваши требования на человека.

Все, что мы говорим здесь про человека, относится точно так же, и еще более, к человеческому обществу, которого живой естественный голос в наше время есть печать. Стеснение печати есть стеснение жизни общественного разума, оно парализует все духовные отправления общества, осуждает все его действия на бессилие, удерживает общество в вечной незрелости, обрекает мертворожденным все исчадия его духовной производительности. Государство не вправе требовать от общества никакой гражданской доблести, никакой помощи и содействия, если духовная жизнь общества поражена таким духовным гнетом. Повторяем, никакие самоуправления, никакие реформы, никакие благодетельные законы не только не принесут добра, но даже и не привьются к общественной жизни, если общество будет лишено существенных условий жизни - свободы мысли и слова. Поэтому во всякой стране общество остается совершенно безучастным ко всем либеральным нововведениям и встречает их с убийственным равнодушием, пока продолжает чувствовать, ощущать и слышать свою мысль и слово придавленными, угнетенными и скованными. Ново вводимые учреждения нуждаются для своей жизни в полном искреннем сочувствии, любви, преданности, участии всех сил общественного разума и воли, но возможны ли такие приношения духа со стороны общества, когда оно не имеет права высказать об этих учреждениях свое нестесненное мнение; возможно ли, чтоб оно поверило в свою гражданскую и политическую свободу, когда оно не свободно в мысли и слове?

Есть мнение, ни на чем не основанное и повторяемое у нас с ветру людьми, пробавляющимися весь свой век готовыми чужими афоризмами, что свобода печати несовместна с существующей у нас политической формой правления. Это

мнение совершенно ложно. Во-первых, как мы уже сказали, свобода слова не есть свобода политическая, и защитники мнения о несогласии принципа свободной печати с нашим политическим принципом могут точно так же, с не меньшим основанием, утверждать, что эта форма правления несовместна и со свободой жизни, свободой - пить, есть, дышать, ходить и двигаться. Если же признается возможным и жить, и дышать, и совершать прочие отправления под защитой неограниченной монархической власти, то нет причины унижать значение самодержавия до такой степени, чтобы считать немислимой жизнь духа и разума под его верховной эгидой. Напротив, мы думаем, что настоящее, именно русское, самодержавие предполагает полную свободу нравственной общественной жизни и без этой свободы перестает быть русским, перейдет или в немецкий абсолютизм, или в азиатский деспотизм, но в наше время нам нечего опасаться такого искажения русского народного политического устройства. Мы полагаем, что именно в России, именно при ее форме правления может и должна существовать такая свобода печати, какая немислива во Франции и в других государствах Европейского материка.

Свободное мнение в России есть надежнейшая опора свободной власти, ибо в союзе этих двух свобод заключается обоюдная крепость земли и государства. Всякое стеснение области духа внешней властью, всякое ограничение свободы нравственного развития подрывает нравственные основы государства, нарушает взаимное доверие и то равновесие, ту взаимную равномерность обеих сил, которых дружное, согласное действие составляет необходимое условие благого и правильного хода русской народной и государственной жизни.

Недуг нашего общественного бессилия, инерция нашего общественного организма происходит от причин чисто нравственного свойства и требует для своего излечения мер и средств такового же качества, - тонических, как выражаются медики.

Для жизни и производительности общественной необходимы известные условия, которых недостаток и составляет главный источник нашей болезни. Эти условия жизни - свобода развития общественного разума, свобода мнения и выражения его в слове устном и печатном. Пока эти условия не удовлетворены,

пока общество будет чувствовать в самых первых отправлениях своего духа стеснение и задержку, то подобно отдельному человеческому организму, ощущающему постоянное стеснение в легких и постоянную несвободу в дыхании и выдыхании воздуха, общество может только чахнуть и не в состоянии ни пользоваться либерально даруемыми ему правительством правами, ни оказывать правительству то дружное содействие, без которого бессильно всякое благое правительственное начинание. Без внутреннего духа жизни самые мудрые законы останутся мертвой буквой, а жизнь духа немыслима без свободы мнения и слова. С другой стороны, только неограниченная свобода мнения обуславливает разумность неограниченной свободы правительственного действия.

(В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 222-224. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

Русское самодержавие – не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм

(Впервые опубликовано: «День», 1865. №34, 2 октября)

Василий Осипович Ключевский считал, что история России — это история страны, которая колонизируется. По мере укрепления и роста российского государства происходило и расширение того пространства, которое выступало в качестве объекта российской колонизации. Россия расширялась на запад, восток, юг и север.

Следует отметить, что эта точка зрения не имеет однозначного признания и может вызывать дискуссии.

«У нас есть готовые определения почти для всякого явления русской жизни, которые, однако ж не более и не менее как иностранные подобию, которые не только не выражают сущности явления, но положительно искажают его смысл, - а между тем они в ходу, они управляют нами, они отражаются практическими последствиями на самой жизни. Таково, например, понятие о народе и народности, которое в уме русского образованного общества заслонено подобием этого понятия, заимствованным у иностранцев, - именно: понятием о демократии и демократизме. Понятие о дворянстве, - о том русском историческом явлении,

которое мы называем дворянством, - имеет свое подобие в аристократии, и это подобие вводит в пагубные заблуждения наши высшие дворянские сферы. Русская община, общинное поземельное владение окутаны нашей публикой (преимущественно первого сорта) в подобие коммуны и коммунизма, русская артель смешана с ассоциацией; удельная и областная жизнь древней Руси воспринята и облечена в нашем научном сознании, в пленки готового иностранного понятия - федерации, и такое подобие, втеснившись в науку, не только привело многих ученых к ложным теоретическим взглядам на русскую историю, но и на самой практике немало русской молодежи увлекло в ложный путь действий.»

В этой статье Аксаков пишет о том, что идея немецкой государственности идёт бок о бок с народной идеей царя, путая понятия правящих и правимых. Он считает, что над правдой русского самодержавия как исторического начала народной политической жизни носится иностранное подобие немецкого абсолютизма или азиатского деспотизма, которое подменяет в умах истинный смысл явления.

Аксаков утверждает, что единство России удерживается не государственной машиной, а обычной жизнью, которою страна живёт и движется. То есть сознание единства и целостности русской земли глубоко укоренено в русском народе, который ощущает себя частью пятидесятиmillionного братства. И вот это ощущение даёт народу настоящую, не мишурную исполинскую силу.

Аксаков также считает, что вне народа и народности не спасут Россию никакие системы самой лучшей немецкой отделки, никакие штуцера бельгийской работы и пушки английского изобретения, никакие советы, примеры и приёмы действий французского императора — никакие дипломатические союзы. Все понятия о русской жизни исказились в переводной речи наших «образованных» людей, а между тем в руках их сила и власть. Невольно приходишь к такому мнению, что чем выше пост, занимаемый в России человеком, чем обширнее его власть над русской жизнью, тем чувствительнее может стать для последней привычка такого человека к иностранной речи, следовательно, к иностранным дефинициям иностранной жизни.

Если смотреть на русское самодержавие как на немецкий абсолютизм или азиатский деспотизм, то свобода слова с ним несовместима; но русское самодержавие, по коренному народному идеалу, не есть, слава Богу, ни то, ни другое. Прежде всего свобода речи сама по себе не есть свобода политическая... Мысль, слово! Это не «прерогатива», а неотъемлемая принадлежность человека, без которой он не человек, а животное. Бессмысленны и бессловесны только скоты. Посягать на жизнь разума и слова в человеке - значит не только совершать святотатство Божьих даров, но посягать на божественную сторону человека, на самый дух Божий, пребывающий в человеке, на то, чем человек - человек и без чего человек - не человек! Свобода жизни разума и слова, как мы уже не однажды выражались, такая свобода, которую даже странно формулировать юридически или называть правом: это такое же право, повторяем, как быть человеком, дышать воздухом, двигаться. Эта свобода есть необходимое условие самого человеческого бытия, вне которого невозможно и требовать от человека никаких правильных отправлений человеческого духа, а тем менее гражданских доблестей: умерщвление жизни мысли и слова не только самое страшное из всех душегубств, но и самое опасное по своим последствиям для судьбы царств и народов. Если вы требуете от человека разумного содействия, помощи, услуги, наконец, разумной покорности, для которой в особенности необходим свободный акт воли, то дайте ему, прежде всего, возможность быть человеком, взрослым членом общества и сознательным подданным государства, то есть право мыслить и говорить, а не превращайте его в скотоподобное, бессловесное и бессмысленное существо или вечного недоросля, который сам уже и никаких личных нравственных требований к себе не простирает, да и простирать не в праве - благо есть на это опекуны! Если же признается возможным и жить, и двигаться, и дышать, и совершать прочие отправления под защитой неограниченно монархической власти, то нет причины унижать значение самодержавия до такой степени, чтобы считать немислимой жизнь духа и разума под его верховной эгидой. Напротив, мы думаем, что идея настоящего, именно русского самодержавия предполагает полную свободу нравственной и умственной общественной жизни, и только этой свободой обуславливается его разумность; в противном же случае оно перестало бы быть

русским, походило бы или на немецкий абсолютизм, или на азиатский деспотизм. Примеры этому бывали в русской истории, но в наше время мы от этого, кажется, можем считать себя уже застрахованными: нам уже нечего опасаться вновь такого уклонения от русского народного политического идеала, и мы после стольких реформ, вправе надеяться, напротив, на дальнейшие усилия к его осуществлению, если только враги России, которых немало и вне и внутри ее, не постараются вновь подменить, в понятиях благонамеренной власти, истину иностранным подобием.

Аксаков считал, что народ должен не просто повиноваться царю, но и иметь свои права, в первую очередь право высказывать своё мнение, свои надежды и чаяния. «Силу мнения — народу, силу власти — царю!» — эту славянофильскую формулу Аксаков отстаивал всей своей деятельностью.

Одним из первых в России он заговорил о правовом государстве и гражданском обществе. Поэтому всякий, отрицающий совместность свободы слова и печати с самодержавием или полагающий, что таковая свобода роняет достоинство власти, что власть призвана стеснять свободу слова, унижает таковым мнением значение самодержавия и обличает внутри себя неприличную робость, едва ли извинительное безверие в его прочность и силу и в разумность его оснований. Нам приходится объяснять снова, что мы уже более или менее, так или иначе высказывали и прежде. Русский народ, образуя русское государство, признал за последним, в лице царя, полную свободу правительственного действия, неограниченную свободу государственной власти, а сам, отказавшись от всяких властолюбивых притязаний, от всякого властительного вмешательства в область государства или верховного правительствования, свободно подчинил - в сфере внешнего формального действия и правительства - слепую волю свою как массы и разнообразие частных ошибочных волей в отдельных своих единицах единоличной воле одного им избранного (с его преемниками) человека вовсе не потому, что считал ее безошибочной и человека этого безгрешным, а потому, что эта форма, как бы ни были велики ее несовершенства, представляется ему наилучшим залогом внутреннего мира. Для восполнения же недостаточности единоличной неограниченной власти в разумении нужд и потребностей народных

он признает за землей, в своем идеале, полную свободу бытовой и духовной жизни, неограниченную свободу мнения или критики, то есть мысли и слова. «Такова наша мысль и сказка, - говорили на соборах наши предки своим царям, - а впрочем, государь, пусть решит твоя воля, мы ей повиноваться готовы».

Аксаков утверждал, что в отличие от Запада, где власть установилась через завоевание и порабощение, через разделение на господ и подданных, «верховная власть в России получила первоначально своё уполномочие от народа». Из этого утверждения выводилось, что власть в России ответственна перед народом — «не юридически, конечно, а нравственно, по самой природе своей, за его судьбы, ответственна перед историей»

Для нравственного достоинства самой власти, для того, чтоб она не перешла в грубую вещественную силу, в немецкий абсолютизм или азиатский деспотизм, необходимо, чтобы граничила она с полнотой и свободой целого мира нравственной жизни, самостоятельно развивающейся и самоопределяющейся, с полнотой и свободой духовного народного бытия в государстве. С другой стороны, и свобода мнения естественно прекращается там, где мнение перестает быть мнением и становится действием и таким образом переходит границу, отделяющую область его свободы от государства.

. Свободное мнение в России есть надежнейшая опора свободной власти, ибо в союзе этих двух свобод заключается обоюдная крепость земли и государства. Всякое стеснение области духа внешней властью, всякое ограничение свободы нравственного развития подрывает нравственные основы государства, нарушает взаимное доверие и то равновесие, ту взаимную равномерность обеих сил, которых дружное, согласное действие составляет необходимое условие благого и правильного хода русской народной и государственной жизни. Без спасительного света общественной мысли легко для власти заблудиться и переступить края и пределы, за которыми уже нет верной дороги, без свободной критики не может выработаться общественное сознание - а поддержка общественного сознания есть необходимое условие успеха всякой правительственной деятельности.

(В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 225-229. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

Литература должна подлежать закону, а не административному произволу

(Статья была написана для газеты «День» от 22 декабря 1862 г., но была снята цензурой. Печатается по: Собр. соч. Т.4. СПб., 1903. С. 312-318.)

Всем нам, без сомнения, известно, что в ряду преобразований, предпринятых нашим правительством, не последнее место занимает пересмотр старых и сочинение новых законов о книгопечатании.

Правительство, освободившее 20 миллионов крестьян от крепостной зависимости, не может не желать освобождения русской печати от зависимости, стеснявшей до сих пор ее правильное, спокойное развитие, а русское общество вправе ожидать, что вслед за улучшением материального быта значительной части русского народа, неминуемо произойдет и улучшение общественного положения мысли и слова в России. Впрочем, по нашему личному убеждению, реформе законов о книгопечатании приличнее было бы стать не только не на последнем, но на первом месте в ряду реформ, непосредственно следовавших за уничтожением крепостного права, и предшествовать всем правительственным преобразованиям, не исключая даже и судебного: освобожденная печать приготовила бы для них надежную опору в общественном сознании, вспахала бы и разрыхлила почву для всякого доброго правительственного насаждения. Нельзя ни проветрить, ни очистить, и тем менее убрать дома - в темноте, с заколоченными наглухо окнами: необходимо растворить настежь двери и ставни, впустить воздуха и света, как можно более воздуха, как можно более света!.. А что же такое свобода мысли и слова, как не воздух и свет, - необходимые условия общественного бытия, вне которых нет ни развития, ни жизни, а только плесень и смерть!

В цикле статей Ивана Сергеевича Аксакова «О взаимном отношении народа, общества и государства», опубликованный в издаваемой им газете «День» в марте — апреле 1862 года, он отстаивал концепцию «народного самодержавия», вытекавшую из его представлений об истории России, о месте и роли в ней

государства. Согласно этой концепции, народ не должен государствовать, а сама государственная власть обязана своим бытием народу. Добровольно призывая власть, народ наделяет её неограниченными полномочиями, а сам живёт своей внутренней духовно-материальной жизнью.

Публикация статей стала одним из ключевых моментов в нарастающем противостоянии Аксакова с цензурой, приведшем в июне 1862 года к приостановке «Дня».

В статье Ивана Сергеевича Аксакова «Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместна с существующею у нас политической формой правления» Аксаков пишет о том, что свобода жизни разума и слова — такое же право, как право быть человеком, дышать воздухом, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условие самого человеческого бытия. При нарушении этой свободы нельзя и требовать от человека никаких правильных отправлений человеческого духа, ни вменять что-либо ему в преступление.

Аксаков также считает, что государство не вправе требовать от общества никакой гражданской доблести, никакой помощи и содействия, если духовная жизнь общества поражена таким духовным гнётом

«Без всякого сомнения - полная свобода слова не исключает возможности злоупотребления этой свободой, - именно тогда, когда слово, не ограничиваясь нравственной областью мнения, переходит в область действия, становится уже само действием противозаконным. Сильному правительству, крепкому сознанием своего права, не страшны такие злоупотребления: оно может подавить их в самом начале и возратить слово в свои пределы, но так как с точностью определить общим правилом ту черту, за которую переступая, слово становится действием, невозможно, то всякий подобный случай должен бы, по нашему мнению, подлежать разрешению и обсуждению суда, а не усмотрению административного контроля, основанного на начале личного произвола. Может быть, мы ошибаемся, но мы думаем, что административный контроль, предположенный проектом, совершенно излишен даже как переходная мера. Какая цель этого учреждения? Остановить распространение преступных идей и мнений? Но неужели еще нужно

доказывать, что мысль, если она вредна, может быть побеждена только мыслью, слово - словом, мнение - мнением, доводы разума - таковыми же доводами; что внешняя материальная власть не в состоянии бороться с силой чисто духовного качества, которая требует для своего одоления такой же духовной силы; что, наконец, опытом всех народов и нашим собственным несомненно дознано, что никакие внешние вещественные преграды не могут остановить распространения преследуемой мысли и только роняют достоинство преследующей власти? Если правительство предаст виновного суду, тут нет гонения, потому что суд - и именно суд с присяжными - является сам выражением общественного мнения и, следовательно, нравственной силой: суд может, наконец, и не признать вины за обвиняемым; если правительство преследует мысль одной административной властью, оно, как мы сказали, не разрушает вреда мысли, а наделяет ложь обаятельным колоритом гонимого убеждения.

Спрашивается опять: к чему же контроль с административными взысканиями, к чему такое стеснение в разрешении новых изданий, которое, по проекту, зависит только от личного усмотрения министра? Давать направление литературе, вообще умственному и нравственному развитию русского народа? Но это значило бы подчинить миллионы умов единичному уму индивидуума - и поставить директора общественной мысли и совести - в лице министра, нынче одного, завтра другого, сделать духовную жизнь народа зависимой от личных качеств одного человека...

Можно, конечно, ожидать, что на первое время, обрадовавшись свободе, поток литературы, долго задерживаемый, хлынет с необыкновенной силой и помчит в своих мутных волнах много ила и грязи... И пусть себе помчит, скажем мы; было бы в высшей степени неблагоприятно ставить плотину этому двинувшемуся потоку: он выступил бы из берегов и завалил бы дно целой горой ила и грязи. Но не ставьте плотины, дайте потоку пронестись свободно и верьте: исчезнет и муть, и грязь, и поток побежит снова ровно и величаво, мирными, прозрачными, многоводными струями.»

(В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019. – с 249-253. : ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

Журналистика – выражение общественного мнения, а не какая-нибудь законодательная власть

(Первая публикация: «Москва», 1868. 6 апреля.)

В этой статье Аксаков пишет о том, что стеснение печати губительно для самого государства. Он убеждён, что новый устав поставит литературу и журналистику в самые благоприятные условия для их правильного развития.



К числу самых интересных слухов, которыми полнятся теперь Москва и Петербург, принадлежат, бесспорно, слухи о преобразовании Главного управления по делам печати. По словам петербургских газет, в городе рассказывают: одни - будто управление имеет как-то примкнуть к Сенату; другие - будто оно организуется в самостоятельное учреждение; третьи, наконец, - будто имеется в виду создать новое министерство «полиции», в ведение которого отойдет и литература. В какой степени достоверны эти толки - мы не знаем, но не в этом покуда дело. Довольно уже и того, что они существуют, и существуют, конечно, не без основания. Сегодня ровно три года, как состоялось высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 6 апреля 1865 г., то есть ныне действующее законоположение о печати. В именном указе, данном Правительствующему Сенату от того же числа, сказано, что правила этого нового законоположения устанавливаются лишь «впредь до дальнейших указаний опыта» и ввиду «переходного положения судебной у нас части». Последнее выражение

объясняется тем, что в то время новые судебные уставы не только не были еще нигде введены в действие, но не были даже и изданы.

В этой статье Аксаков пишет о том, что стеснение печати губительно для самого государства. Он убеждён, что новый устав поставит литературу и журналистику в самые благоприятные условия для их правильного развития. Он утверждает, что свобода слова и мысли — необходимое условие нормального развития общества и духовной жизни человека. Он считает, что государство не вправе требовать от общества никакой гражданской доблести, никакой помощи и содействия, если духовная жизнь общества поражена духовным гнётом.

«Было бы клеветой и ложью утверждать, будто в отношениях нашего правительства к печати существует какая-либо систематическая враждебность. Да и не может быть такой враждебности по принципу ни у одного просвещенного правительства. Тем не менее нельзя отрицать, что в отношениях русского правительства к печати проявляется недоверчивость, по нашему мнению, ничем не оправдываемая. С тех пор как журналистика в России стала несколько свободнее, она успела оказать не одну действительную услугу правительству. В течение трехлетия со дня издания закона 6 апреля 1865 года не произошло, кажется, никакого особенного вреда, никакой опасности для государства и еще менее для нравов, так как с большей свободой слова стали свободнее и сильнее раздаваться здравая мысль и честная критика. Вот на эти-то «указания опыта» смеем советовать правительству обратить свое особенное внимание. Но пойдем далее. Присутствие начала недоверчивости в законах о печати доказывается всеми теми мерами предосторожности, которыми обставлено разрешение и издание газет и журналов, издание книг не свыше и свыше 10 листов, с нормальным объемом печатного листа, - целой организацией контроля над литературой и, наконец, тем «административным произволом», как выражается сама «Северная Почта», который нашел себе выражение в системе предостережений. Но начало недоверчивости, однажды положенное в основание, не может, как и всякое иное начало, не развиваться последовательно и логически. А потому и самое законоположение о печати, - как бы, по-видимому, ни было оно либерально и немногосложно, - в дальнейшем своем развитии под воздействием этого начала

будет уклоняться все более и более в сторону не либеральную, будет усложняться все более и более новыми дополнительными статьями - в смысле ограничения свободы печатного слова.

Так не можем же мы не признать, что именно в этом смысле, а не с целью дать большой простор слову, состоялись все добавления к закону 6 апреля в течение последних трех лет.

Так, например, если основная мысль учреждения Главного управления по делам печати есть централизация надзора за литературой, то как ни дорого стоит оно, с двумя цензурными комитетами и с отдельными цензорами (более 200 тыс. руб. в год), едва ли через несколько лет не разрастется оно в целое министерство. Теперь вся литературная и журнальная производительность сосредоточена по преимуществу в столицах, но с развитием местной провинциальной литературы объем занятий, круг надзора и ведомства Главного управления должен расширяться и, наконец, дойти до громадных размеров. Вообразим себе только, какова должна быть деятельность центрального учреждения, надзирающего за печатным выражением мысли 80-миллионного населения, на пространстве целой части света, посредством сотни цензурных комитетов и тысячи цензоров, прочитывающих миллионы печатных листов? Дух захватывает при одной мысли о колоссальности такого механизма. Но до этого еще далеко, возразят нам: зачем доводить *ad absurdum*? Конечно, далеко, но разве администрация не на этом пути? И разве верность пути не определяется тем пределом, к которому он доводит?»

«Заклучим несколькими практическими замечаниями в интересах и с точки зрения самого правительства.

Современное положение нашей печати ненормально, в этом нельзя не согласиться. С одной стороны, она находится в тяжелой, унижительной, противной ее призванию зависимости от администрации, вредной для искренности и правды; с другой, она производит нередко и на администрацию не должное, даже вредное давление, связывает свободу ее действий. С одной стороны, печатному слову оказывается обидное неуважение, чуть не презрение; с другой - и этому не раз бывали примеры - не только общество, но и администрация относятся к нему чуть

не с подобострастием. Вместо того, чтобы быть выражением общественного мнения, у нас общественное мнение есть выражение печати, или, лучше сказать, личного мнения того или другого журнала; печать навязывается обществу со своими воззрениями, являясь не только его руководителем, но иногда и тираном. Одним словом, печать у нас, особенно периодическая, не познала еще свои пределы, - чему виной по большей части существующее законоположение. Область действия и область мнения, область правительства и область литературы - две совершенно различные области, как по природе своей и по своему призванию, так и по характеру своих отправлений.»

Что значит выйти нашему правительству на исторический народный путь?

(Стр. 240 - 248) Первая публикация: «Русь», 1884. 15 ноября.

Передовая статья газеты «Русь», в которой обсуждались проблемы, звучавшие и в художественной литературе той поры:

- истории России и роль в ней Петровской эпохи;
- общественное, сословное государство;
- современная ситуация 1880-х годов («что делать?»);
- патриотизм и славянское единение;
- «русская идея»;
- христианская вера и её отношение с наукой и общественным прогрессом;
- вопросы нигилизма и революционности.

Газета не носила сугубо политический характер, для текстов, публикуемых в ней, было характерно жанровое разнообразие.

Упрек, сделанный «Руси» некоторыми петербургскими газетами, мог быть связан с тем, что передовая статья не давала конкретных практических выводов и указаний.

«Довольно толковано о принципах, об общих началах! Подавайте нам чего-нибудь конкретного (это слово теперь в моде); подавайте практических выводов и указания!...» Таков упрек, сделанный «Руси» некоторыми петербургскими газетами по поводу передовой статьи ее последнего номера; таково вообще

требование, предъявляемое более или менее властными сферами Петербурга, - в них же все значение, цель и смысл бытия нашей «Невской столицы». Да, Петербург - большой практик и не без основания хвалится своим практицизмом пред Москвой, которую, наоборот, всегда укоряет в идеализме. В Петербурге так и кишит «практическая деятельность», так и сыплет он на Россию «практическими» указаниями... Но действительно, надо отдать ему полную справедливость, в практике его уж ни до каких принципов или общих начал и не доберешься, и в идеалах он неповинен. Его (обязательная для России) практика не только не есть логический вывод из какой-нибудь общей руководящей теории, но и сама не может быть возведена в теорию, по крайней мере, в одну общую: это не то, что какая-нибудь там жизнь, в которой всегда можно раскрыть, опознать и отвлечь начала, ею только разнообразно проявляемые и воплощаемые!

Жизнь и практика - это по отношению к Петербургу два понятия совсем разные. Петербургская практика относится к жизни (т. е. к русской жизни) с великим высокомерием и даже презрением, и хотя именно эта жизнь и состоит ее страдательным или пассивным объектом, петербургская практика все-таки сама по себе, а русская жизнь, с ее реальными явлениями и скрытыми в них движущими началами и идеалами, тоже сама по себе, несмотря даже на то, что так плотно замкнута в благонамеренные тиски петербургской неугомонной практики...»

Контрреформы Александра III — комплекс мероприятий правительства, направленных на изменение (консервацию) социально-политической жизни страны после либеральных реформ предыдущего императора.

Основные контрреформы:

В крестьянском вопросе. Создание Дворянского банка для субсидирования помещиков. Более сложные земельные переделы и разделы. Отмена подушной подати и общинного земледелия, но снижение выкупных платежей.

В судебной системе. Усложнение судоустройства и бюрократизация, сокращение компетенции суда присяжных. На селе мировой суд практически заменился произволом чиновников.

В образовательной системе. Усиление контроля над средней школой. Принятый циркуляр о «кухаркиных детях» не допускал до учёбы в гимназиях детей простолюдинов.

В земствах. Внесение изменений в земскую реформу, в соответствии с которыми был узаконен контроль правительства над земствами. Изменение имущественного ценза лишало избирательных прав ремесленников и местных торговцев.

Полицейские меры. Принятие «Положения об усиленной и чрезвычайной охране», которое усилило полицейско-административное давление.

Приоритетами контрреформ стали сохранение самодержавия, укрепление сословного строя, традиций и основ российского общества и неприятие либеральных преобразований.

«Почти все эти реформы, по строгой проверке иностранных образцов критерием русской народной жизни, могли бы быть совершены с полной пользой и в России ее самодержцем как «Государево и Земское дело», но они были произведены, во-первых, без этой проверки, к которой наша государственная практика не была и способна; были, одним словом, произведены ранее, чем самодержавие вышло на дорогу народную, историческую, ранее, чем упомянутая практика стала выражением народного духа; во-вторых, они были введены как поступательное, хотя и запоздалое движение по пути «европейского» жизненного прогресса, в духе «европейского политического либерализма». Таковыми представлялись они и большинству русской интеллигенции, воспитанной тем же духом, просвещенной той же европейской политической наукой. Но непреложный плод этого духа и конечный пункт этого пути - европейская конституция. Вот почему мы и сказали, что вопрос о самом принципе власти был поставлен более или менее бессознательно и невольно, самою русской государственной практикой, благодаря, разумеется, ее вековому отчуждению от русской народности.

Понятно, что во многих умах произошла путаница, которая отразилась и на правах. Ждали недосказанного слова, «увенчания здания». Вышло колоссальное недоразумение вследствие колоссального противоречия. Логическому

практическому выводу становился поперек только грубый исторический факт, не осмысленный для сознания как интеллигенции, так, по-видимому, и самой власти. Но последняя, к счастью для России, оберегаема была непреложным историческим инстинктом. Неограничен русский Царь, конец-но, и к этой-то неограниченной воле, и взывали о добровольном ее самоограничении, но не хотели и не могли понять, что полновластный Царь не властен лишь в одном: в отречении от своего полновластия, что, заменив основное начало русского государственного строя западноевропейской конституцией, он стал бы отступником от народного исторического пути, изменником русской земле, предателем своего народа. Пожалуй, в печати не раз было высказываемо уверение, что у русского народа нет ни малейшей «самобытности в сфере политических идей», но ведь этот вздор может терпеть только бумага, а не русская народная жизнь... Тем не менее такому печальному роковому недоразумению подавала повод, как мы выразились, неосмысленность самого факта власти для сознания самой властной среды. Вне национальной стихии русское самодержавие, - повторим неоднократно сказанные нами слова, - вовсе и не мыслимо, а вот эта-то именно стихия не только не бьет ключом, но и не слышится, и даже не чувствуется в петербургской государственной практике! Исключения составляют разве некоторые исторические события, всегда производящие в этой практике страшный на время переполох, но только на время, пока взбаламученная, испуганная практика не оправится и... не препобедит. Так, война 1877 года вызвала, казалось, мощный подъем народного исторического духа и проявила его единство с русской самодержавной властью, наперекор преданиям и вожделениям упомянутой петербургской практики; но раз кончилась война и вступил в свои права Петербург, он увенчал этот подъем народного исторического духа Берлинским трактатом... Очевидно, что подобный случай мог только усилить то роковое недоразумение и еще ярче осветить то противоречие, о которых мы говорили. Не разрешил, а усилил их и последовавший за Берлинским конгрессом странный факт сочинения по западноевропейским образцам, в его собственной императорского величества Канцелярии (во 11 отделении), с приглашением экспертов - русских профессоров, конституции для освобожденной кровью русского народа Болгарии.

Как объяснить - могла бы себя спросить, да и спрашивала на западноевропейских же политических науках вскормленная русская интеллигенция, - подобное «облагодетельствование» вчерашних турецких рабов, ни о какой такой конституции и не мечтавших, когда-де русский народ, после тысячи лет государственной жизни и пр. Русский народ, конечно, приплетается тут все и роковому этому для Болгарии дару уж, разумеется, не позавидовал, но несомненно ведь, что русское правительство признавало, и совершенно искренно, свой дар благодеянием... Если же конституция для славянского племени на западноевропейский лад - благодеяние, признаваемое таковым самим русским правительством, то, конечно, полезно было бы не оставлять без надлежащего разъяснения того нежеланного логического вывода, который истекал из подобного факта и который, - даже и не по вине русских разных интеллигентов, только пуще наплодил путаницы в мыслях и понятиях русского общества.»

«Уразумеют ли, одним словом, что и кроме Петербурга есть Россия и что Россия даже вовсе не в Петербурге, что пора наконец выйти из этой ограды, некогда, может быть, на время и нужной, некогда нарочно сооруженной ради оплота для правительственной созидательной работы от национальной односторонности и исключительности, но уже давно обратившейся в какую-то фортецию коснеющего отрицания русской самобытности и даже жизни - в цитадель воинствующего против русской народности европеизма! Ужели не пора? Нельзя же ведь продолжать принимать только к сведению холя бы на-стоящее состояние России и бездействовать ввиду 68 миллионов, вопиющих против водворенного у них государственной практикой безвластия вместе с многолюдством всяких начальств, - ввиду искусственного расстройства бытовых основ, ввиду, наконец, современного экономического положения этих 90% населения: хлеба, пишут, осталось у крестьян только до Рождества, а хлеба кругом вдоволь, да купить его не на что, заработков нет, фабрики стоят или сокращают производство, распуская рабочих, промышленность в застое, - продавай, крестьянин, и скот и упряжь, и все, что только можно продать, сиди сложа руки шесть зимних месяцев на печи в качестве «исключительно земледельческой страны», а кругом, окрест, несметные естественные богатства, ждущие только рук

для разработки и живого властного верховного почина, указания, помощи... Вот что, в конце концов, для русской земской жизни значат наши слова, показавшиеся в Петербурге столь непрактичными: «выйти самодержавию на исторический народный путь, в живую связь с землей».»

Заключение

Подробное исследование показало, что закономерности развития истории России прошла сложный путь, в котором были и великие потрясения, порой катастрофические, и великие преодоления, свидетельствующие о неисчерпаемости народного духа, и великие достижения, ставшие достоянием мировой истории. Ценность опыта сотрудничества и сосуществования, накопленного в нашей стране, не исчерпана до настоящего времени.

Трудом и гением народов России была создана неповторимая российская цивилизация. Будучи частью мировой цивилизации, она предлагала свои пути и методы решения проблем, с которыми сталкивались и другие страны. Можно спорить, насколько эффективными были избранные Россией пути преодоления вызовов времени, сколь общезначимыми оказывались базовые ценности, из которых исходили российские общественные, государственные и политические деятели, творцы культуры. Однако то, что без этой истории и этой цивилизации мировая история утратила бы полноту и яркость, не вызывает сомнений.

Мы хотим преподнести благодарность к великим людям нашей истории.

Работая с книгой И. С. Аксакова «В чем сила России?» мы открыли для себя новый мир, посмотрели на исторические события с другой стороны, а так же сравнили с положениями в современном мире. Процесс подлинно научного изучения истории нашей страны только начинается. Лучше понимая историю своей страны, своего государства, своего народа, мы будем яснее представлять себе, куда и как двигаться дальше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. В чем сила России? /Иван Сергеевич Аксаков. – Москва: Эксмо, 2019.: ил. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).
2. Аксаков, 2010. - Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества (Текст). Выпуск 1: в 2 частях. Часть 1. 1823-1848 Аксаковы. Детство. Отрочество. Обучение в Училище правоведения. Служба при Министерстве юстиции Российской Империи / [сост. С. В. Мотин, И. И. Мельников, А.А. Мельников, под ред. С. В. Мотина]. - Уфа УЮИ МВД РФ, 2010.
3. Автобиография, 1960. - «Автобиография И. С. Аксакова» [Текст]/ И. С. Аксаков // Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. 2-с изд. - Л.: Сов. писатель, 1960.
4. Аксаков, 1892. - Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. ПТ. Письма 1851-1860 годов. - М., 1892. 2. Аксаков, 1988. - И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844-1849 [Текст] / И. С. Аксаков; Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова -М.: Наука, 1988
5. Аксаков, 2002. - Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? [Текст] И.С. Аксаков: сост., вступит. статья, примечания В. Н. Грекова. - М, 2002.
6. Аксаков, 2003. - Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой [Текст] : в 3 т. / И. С. Аксаков; составление, подготовка текста, примечания, указатель имен Т. Ф. Прокопова, - М. : Русская книга, 2003-2004. - Т. I. - Письма 1844-1849 гг. - М. 2003.
7. Аксаковский, 1998. Аксаковский сборник /(Текст) / Аксаковский фонд: Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова; Ред.-сост. Г. О. Иванова. - Уфа, 1998, - Вып.2.
8. Аксаковский, 2005. Аксаковский сборник [Текст] / М-во культуры и нац. политики РБ. Нац. Музей РБ. Аксаковский музей РБ, Аксаковский фонд; Отв. ред. Г. О. Иванова. Гл. ред. М. А. Чванов. - Уфа, 2005. - Вып. 4.
9. www.aksakovmuseumufa.org
10. www.aksakoff.ru
11. www.aksakovufa.ru/?p=4014